

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ
 „КАВКАЗЪ“.

34436340
 3034010333

31-го марта.

№ 3.

1905 года.

ЗАБАСТОВАЛИ...

(Карандашемъ съ натуры).

Въ комнатѣ стоятъ гуль дѣтскихъ голо-совъ.

Володя, гимназистъ третьяго класса, сидя около своего письменнаго стола, зубритъ латинскіе глаголы, раскачиваясь на стулѣ и перелистывая то грамматику, то альбомъ для марокъ.

— Чортъ возьми! Куда запропастились мои «Японія» и «Чили»? Fero, tuli, latum... —твердитъ онъ, а руки его проворно мнутъ четвертушку бумаги, изъ которой выходитъ «голубь». Въ середину его мальчикъ всаживаетъ старое перо—и птицы летятъ въ разные углы комнаты, вкалываются въ стѣны, въ двери, въ полку съ книгами.

Звонкій одобрителный смѣхъ младшаго брата, первоклассника Вадима, раздается при каждомъ удачномъ полетѣ «голубя».

Сидя на подоконникѣ, мальчикъ отъ времени до времени, раздувая свои розовыя щеки, издаетъ пронзительный свистъ: подъ верхней губой онъ приладилъ «китайскаго соловья», котораго купилъ въ «американскомъ» магазинѣ за пятакъ, данный на завтракъ.

— Володичка! Милый! Подари мнѣ вотъ этого большого!.. Я завтра запущу кому-нибудь въ спину!.. — восторженно вскрикаетъ онъ.

— Бери, братъ! Только не плошай!.. Держи вотъ здѣсь, у клюва. А крылья плашмя!.. Tollo... sustuli... sublatum... tollerel!.. Ахъ, проклятіе!.. Еще наизусть надо. Tum Romulus in eo loco ubi nunc forum... —

Повѣствованіе о римскомъ героѣ переходитъ въ мотивъ на вариацию пушкинскихъ стиховъ, которые мальчикъ насмѣшливо сошуривъ свои блестящіе, живые глаза, выводитъ Николай, гимназистъ седьмого класса,

высокимъ дискантомъ:

По длиннымъ доскамъ коридора... Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ.

Несется фигура высокая...

Несется на длинныхъ ногахъ...

ubi nunc forum romanum est...

Не гнутся высокія ноги...

который, съ нахмуреннымъ лицомъ, произноситъ:—Володя!..

заложивъ руки въ карманы брюкъ, нервно шагаетъ по комнатѣ.

На головѣ у него сдвинутая на затылокъ фуражка безъ герба.

— Volito, volitare, летаю!—твердитъ

гимназистъ, и новая стая бумажныхъ голубей взвивается въ воздухѣ..

произноситъ:—Володя!..

—Слушай, Нинка!—кричитъ мальчуганъ.—Помни, что въ моемъ лицѣ

ты получила «третье предостереженіе»!... Меня выбрали «депутатомъ»..

Передай-же своимъ зубрилкамъ, что

если завтра-же онѣ не забастуютъ, мы явимся въ вашу гимназію, по-

срываемъ съ васъ эти... тряпки-фартуки и обрѣжемъ вамъ косы! Вотъ такъ!..

Онъ вскакиваетъ со своего мѣста и шутиливо-угрожающе дергаетъ сестру за косу.

—Дуракъ! Оставь! Ну, другіе, старшіе бунтуютъ!.. А вы чего? Туда-же. Что вы понимаете!..

Старшій братъ останавливается и угрюмо смотритъ на сѣоихъ..

—Какъ не понимать?.. Мы выразили свои требованія!..

—Требованія!.. Какія это, интересно послушать! — улыбается дѣвочка.

—Какія? Да.. вотъ... между прочимъ... отъ мѣну прямыхъ и косвенныхъ налоговъ!.. — съ забавной важно-стью отвѣчаетъ мальчикъ.

—Хал хал. Скажи лучше: прямыхъ и косвенныхъ дополненій!..

—Ну, и дополненій!.. само собой!.. а главное — букву ъ къ черту!.. И вотъ это... fero... tulil!.. —къ черту И еще.. еще...

—Еще — свободу личности! — кричитъ съ окна маленькій Вадимъ.

Звонкій смѣхъ покрываетъ его слова. Улыбается даже и хмурый гимназистъ.

— Не понимаю! что тутъ смѣшного! — обиженно, краснѣя чуть не до слезъ, говоритъ мальчуганъ.

— И я... и я, увѣрю васъ, я не буду учиться, при настоящемъ... режимѣ!.. Мнѣ на завтра басня «Прудъ и рѣка»!.. И вотъ я... вотъ я ее... какъ!..

Онъ вскакиваетъ и подбрасываетъ книгу до потолка, еще и

разорванные листки не разсыпаются по всему полу!..

— Молодецъ, Вадимъ! Урра! — восторженно кричитъ Володя.—Вотъ такъ. Volito, volitare!.. Бисъ, bravo!..

— Да.. да! — уже совсѣмъ воз-



Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ, генераль-адъютантъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

На нихъ сапоги не скрипятъ...

И молча въ открытыя вѣки

Суровыя очи глядятъ!..

—Будеть тебѣ!.. Учи лучше свою

свою галиматью!.. —говоритъ старшій братъ

своего стола.

Одинъ изъ нихъ вкалывается въ еще, пока разорванные листки не

длинную золотистую косу дѣвочки-

подростка, которая, склонивъ голо-

ву на руки и зажавъ уши, читаетъ у

Она вдрагиваетъ и укоризненно

— Да.. да! — уже совсѣмъ воз-

восторженно кричитъ Володя.—Вотъ такъ. Volito, volitare!.. Бисъ, bravo!..

— Да.. да! — уже совсѣмъ воз-

бужденный, съ разгорѣвшимися пухлыми щеками вопить поощренный успѣхомъ первоклассникъ.—Я лучше буду питаться чернымъ хлѣбомъ въ холодныхъ тундрахъ Сибири, чѣмъ учиться въ нашей гимназіи.. Дал.

— А сегодня къ обѣду твои любимые пончики!—съ лукавой улыбочкой говоритъ Нина.

— Пончики!—вырывается у мальчика тревожный возгласъ.—А хотя-бы и пончики! Все равно!—рѣшительно повторяетъ онъ.

— Брависсимо!.. Надо быть вѣрнымъ себѣ!—съ серьезной важностью поддакиваетъ Володя.

— А ты... точно вѣренъ себѣ!—смѣется дѣвочка.—Опять съ разбитымъ лбомъ пришелъ!.. Опять дрался?

— Ухъ!.. Еще какъ!.. Нашъ классъ раздѣлился на двѣ партіи: одни за забастовку, другіе—противъ... Вышли во дворъ на перемѣнкѣ.. выкинули флаги, красный и бѣлый..

— А ты... ты за кого?—сверкая глазенками, спрашиваетъ Вадимъ.

— Я... я еще вчера приготовилъ сивій, съ надписью «нейтралитетъ»... — Ну?..

— Ну, и начали другъ друга поясами да бляхами, кто кого, по чемъ попало... А мы, нейтральные, и тѣхъ и другихъ... Вотъ такъ!..

Быстро разстегнувъ поясъ, онъ начинаетъ щелкать имъ по воздуху надъ головой младшаго брата, который не сводитъ съ него восторженныхъ глазъ.

— Хорошъ нейтралитетъ!—смѣется Нина.

— Ну, да, вооруженный!.. Попало таки и намъ! Но зато вотъ трофей!..

Онъ вынимаетъ изъ кармана измятый и разорванный красный флагъ и побѣдно взмахиваетъ имъ надъ головой.

Вадимъ, затаивъ дыханіе, съ разгорѣвшимися глазами, ловитъ каждое его слово, движеніе.

— Какой ты храбрый, Володя, что и раненый остался въ строю!.. А... не очень больно тебѣ?

— Эхъ!—лихо кричитъ мальчикъ.— Не бѣда, а вотъ это фего, тулі хуже всякой бляхи зудитъ въ головѣ!.. Забастую и я! Забастую!..

— И я, и я!—краснѣя, какъ піонъ, восклицаетъ Вадимъ.

Старшій братъ все продолжаетъ ходить по комнатѣ, останавливаясь и прислушиваясь къ гаму младшихъ. Межъ бровей его лежитъ болѣзненная складка.

Дѣвочка, оставивъ книгу и прислонясь спиной къ печкѣ, слѣдитъ за нимъ глазами съ серьезнымъ лицомъ.

— Николай!..—робко окликаетъ она брата.—Скажи, неужели нельзя иначе?..

— Что иначе?—разсѣянно спрашиваетъ онъ.

— Не бастовать...

— Нельзя, Нина!.. Очень ужъ наболѣло многое...

— Но отчего же мы...

— Оттого, что вы случайно попали въ лучшія условія... Случайно явился этотъ вашъ словесникъ, котораго вы боготворите, и тяжелое ярмо стало живымъ дѣломъ... Вѣдь такъ?.. Вспомни, что было годъ назадъ...

Глубокіе вдумчивые глаза дѣвочки вспыхиваютъ мягкимъ блескомъ.

— Да, это правда!.. Годъ назадъ я ходила на уроки, а теперь, теперь...

— Теперь ты работаешь сознательно, съ увлеченіемъ, не досыпаешь...

— Да, представь, я не могу за-

снуть, пока не сдѣлаю мысленно характеристики каждаго героя изъ прочитаннаго!—съ серьезной важностью произноситъ дѣвочка.—И засыпаю такая усталая и счастливая!..

— Вотъ видишь!.. А много-ли такъ, какъ вашъ Ивановъ? Разъ, два и обчелся!..

— И знаешь, — съ увлеченіемъ продолжаетъ дѣвочка, — послѣ этихъ нашихъ воскресныхъ чтеній съ Ивановымъ я какъ-то все вижу иначе теперь, то, чего раньше совсѣмъ не замѣчала... Вотъ хотя-бы басня «Прудъ и рѣка», что зубрилъ сегодня Вадимъ... Не правда-ли, это—Обломовъ и Штольцъ?..

— Пожалуй!—отвѣчаетъ гимназистъ, любовно глядя на сіяющіе глаза сестры.

— А «Червонецъ»? Не напоминаетъ-ли тебѣ, Нина, наше домашнее, т. е. мамино, собственное, допашнее, такъ какъ папа, вѣдь, безъ права голоса... Маминъ лоскъ и шлифовка!

Дѣвочка болѣзненно хмуритъ брови.

— Ахъ, какъ ѣсть хочется!.. Что же мама не идетъ?.. Давно пора обѣдать!..—раздается голосъ притихшаго Вадима.

— А черный хлѣбъ въ холодныхъ тундрахъ забылъ!..—грозно восклицаетъ Володя.—Пятакъ «просвистѣлъ», рѣчи говорилъ! Теперь крѣпись, держи знамя высоко!.. Вотъ такъ!..

И красный флагъ вновь мелькаетъ въ рукѣ гимназиста.

— А мнѣ еще сдувалку надо приготовить назавтра!..—озабоченно говоритъ онъ.—Пожалуй, работа письменная будетъ...

— Сдувалку?—спрашиваетъ Вадимъ, еще не посвященный во всѣ термины гимназическаго жаргона.

— Ну, да... Видишь, длинная узкая бумажка! На ней списанъ урокъ... я ее прячу или подъ отверстіе чернильницы въ парту, или сюда, подъ обшлагъ рукава, на резиночку пришиваю... Дернулъ, поглядѣлъ—и сдуваю!..

— Шикарно!..—восторженно отзывается младшій братъ.—Кончу скорѣе, да пойдемъ въ лахты играть!..

Но Вадимъ, осторожно озираясь, выскальзываетъ изъ классной въ столовую, гдѣ накрытъ столъ и приготовлена закуска.

Съ минуту онъ стоитъ въ раздумьи, озабоченно хмуря брови, отчего бѣлый пухлый лобъ его складывается въ смѣшныя морщинки: черный хлѣбъ, эта геройская, но трагическая мысль борется въ его сердцѣ съ предательскимъ искушеніемъ въ видѣ аппетитныхъ кусочковъ ветчины.

Маленькое колебаніе—и, проворно закинувъ въ ротъ бутербродъ, мальчикъ старательно отираетъ губы, одергиваетъ курточку и возвращается въ классную съ полнымъ достоинства и важности лицомъ

человѣка, у котораго «слово не расходится съ дѣломъ», который держитъ «знамя высоко».

Рѣзкій звонокъ заставляетъ дѣтей встрепенуться: это отецъ!..

Мальчуганы принимаются торопливо подбирать разбросанные листки книги.

Въ комнату входитъ высокій пожилой господинъ, съ блѣднымъ, желчнымъ, утомленнымъ лицомъ, держа портфель съ бумагами подъ мышкой.

Разсѣянно взглянувъ на младшихъ дѣтей, онъ подходитъ къ старшему сыну съ тревожнымъ вопросомъ:

— Ну, что... не былъ опять?..

— Нѣтъ, папа!..

— Но... ты меня безъ ножа рѣжешь! Что ты дѣлаешь, Николай! Какой примѣръ вотъ этимъ, младшимъ!..

Голосъ его подымается до крикливыхъ нотъ.

— Я не могу, не могу, папа!..—съ усиленіемъ произноситъ гимназистъ.

Рѣзкій окрикъ готовъ вырваться изъ устъ отца, но онъ сдерживаетъ себя и говоритъ спокойнѣе, стараясь придать товарищескій тонъ своимъ словамъ.

— Подумай! Оглянись, Николай!.. Какая нелѣпость всѣ эти протесты!.. Чего только не говорятъ, не требуютъ вотъ даже эти малыши... Скоро и грудныя дѣти присоединятся къ вашей забастовкѣ!.. Вы, старшіе, отвѣтственны за нихъ!..

— Ты правъ, папа... Много и нелѣпаго, и это больно!.. Но есть и очень важное, что мы...

— Ну, да, знаю, слышалъ... Вы недовольны постановкой дѣла...

— Мертвой постановкой!..

— Ну, пусть такъ!.. И отношеніемъ преподавателей, и латинскимъ языкомъ... Но развѣ это по вашимъ дѣтскимъ силамъ—направлять жизнь въ новую колею? Развѣ это вынесутъ ваши нервы!.. Довѣрьтесь же намъ, родителямъ!.. Вѣдь не враги-же мы вамъ!.. Пусть мы будемъ выразителями вашихъ желаній и нуждъ передъ начальствомъ... Мы готовы взять на себя и это ярмо!.. Вотъ будетъ еще совѣщаніе... Семья и школа, дружно!..

— Папа!..—съ волненіемъ возражаетъ мальчикъ.—Годъ назадъ было совѣщаніе... Ты не пошелъ!.. Пошла мама... И что-же?.. Говорили о «диагональныхъ» брюкахъ, а что намъ нужно, что наболѣло за эти семь лѣтъ, объ этомъ никто изъ васъ не сказалъ, не вспомнилъ!.. И видишь, вышло нѣчто ужасное, откуда нѣтъ выхода.

Лицо отца принимаетъ страдальческое выраженіе.

— Да.. это, конечно, было упущеніе... Мы, отцы, видишь, завалены работой!.. Но теперь, когда жизнь выдвинула вопросъ... повѣрь, будетъ иначе, Николай!.. Только бросьте эту обструкцію!.. И доверьтесь и намъ, и педагогамъ!.. И они пойдутъ навстрѣчу вамъ, вашимъ нуждамъ, разумнымъ требованіямъ.

— Если-бы такъ, папа!..

— Наконецъ, взгляни на вопросъ съ другой стороны!—горячо убѣждаетъ отецъ. Тебѣ остается одинъ годъ.. А за тобой, видишь, еще четверо растутъ!.. Пожалѣй меня!.. Онъ подходитъ къ сыну и обнимаетъ его за плечи.

На лицѣ мальчика отражаются и горечь, и боль, и мучительная борьба.

Шелестъ шелковыхъ юбокъ заставляетъ обоихъ вздрогнуть.

Въ комнату быстро входитъ, скользя впархиваетъ, красивая, нарядная дама.

—А ты дома, Вольдемаръ!..—щебевающимъ голоскомъ обращается она къ мужу.—А я совсѣмъ выбилась изъ силъ!.. Пять визитовъ сдѣлала!.. Потомъ къ портнихѣ! Замучилась!..

— Переодѣнься поскорѣе, Маня!.. Обѣдать давно пора!..—нервно перебиваетъ ее мужъ.

— Успѣю!—съ капризной гримаской говоритъ она и поворачивается къ сыну.

— Николай!.. Когда ты перестанешь огорчать меня!.. Опять эти манеры!.. Фуражка на затылокъ!.. Руки въ карманахъ!.. А ты, Нина!.. Всѣ паль-

цы въ чернилахъ!.. И эта прическа въ одну косу!.. Tout a fait une pauvre sape russe!.. Сколько разъ я говорила, что тебѣ больше идетъ вотъ такъ, à la decadence!..

— Мнѣ некогда, мама!..

—Некогда! Дѣвочкѣ въ пятнадцать лѣтъ некогда прилично причесать волосы!.. А глотать книги до полночи есть время!.. Настоящій bas bleu!.. И откуда это въ ней!.. Вѣдь учу, воспитываю!..

— Маня!.. Я прошу поторопиться съ обѣдомъ!.. Я голоденъ!..—вновь нервно обрываетъ ее мужъ, который весь морщится отъ каждаго звука ея щебечущаго голоса.

— Ну такъ что-же, что вы голодны?—раздраженно отвѣчаетъ она.— Не могу-же я изъ за этого не высказать своего мнѣнія о воспитаніи дѣтей!.. Вѣдь это же деспотизмъ съ вашей стороны! Вѣчный деспотизмъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ жизни!.. Нѣтъ!.. C'est trop!.. Право, намъ, женамъ, остается одно—забастовать, какъ гимназисты!..

Мужъ встаетъ и быстро нажимаетъ кнопку звонка.

— Обѣдать!—рѣзко кричитъ онъ вошедшей горничной. Скорѣе!.. Что, не готово?.. Можетъ быть, въ этомъ домѣ и поваръ забастовалъ!..

Онъ быстрыми шагами выходитъ изъ комнаты. Жена слѣдуетъ за нимъ, шелеща шелковыми юбками.

— Ахъ, Боже мой! хоть-бы заснуть, заснуть и проснуться, когда все это кончится!—съ тоской вырывается у гимназиста.

Охвативъ голову руками, онъ тяжело опускаетъ локти на столъ.

Сестра тихонько подходитъ къ нему и прижимается головкой къ его плечу... Тяжелая золотистая коса ее ложится на его грудь.

Мальчики робко шепчутся въ своемъ уголкѣ, прислушиваясь къ удаляющимся шагамъ отца.

Суровыя морщины разглаживаются на его лицѣ, когда онъ подходитъ къ дверямъ дѣтской, гдѣ играетъ его любимица, маленькая, пятилѣтняя Муся.

Увидѣвъ отца, она съ возгласомъ радости бросается къ нему.

— Маруся!.. Это что за безпорядокъ у тебя!—говоритъ онъ подымая ремень на руки и не зная, куда ступить: по всему полу разбросаны куклы, кубики, игрушки!..

— Онѣ забастовали, папочка!—отвѣчаетъ дѣвочка, весело болтая пухлыми ноженками.

Э. Жаннере.

ПОСЛѢДНЕЕ СКАЗАНІЕ.

Всѣ въ гимназіи были очень удивлены, когда преподаватель исторіи Сергѣевъ не явился на урокъ. Это былъ второй случай за пятнадцать лѣтъ. Первый случай былъ лѣтъ 8 назадъ, когда Сергѣевъ похоронилъ сестру, свою послѣднюю родственную связь съ живымъ міромъ. Удивленіе возросло еще болѣе, когда посланный съ бумагами отъ директора сторожъ возвратился назадъ и заявилъ, что, несмотря на сильное стучанье въ дверь, ему не отперли. Такъ же не удалось проникнуть къ Сергѣеву и человѣку изъ ресторана, носившему ему обѣдъ. На другой день послали за полиціей, взломали дверь и увидѣли Сергѣева мертвымъ. Онъ застрѣлся. Группъ отправили въ приемный покой, произвели вскрытіе, на-

писали бумагу попечителю и, запро- токоливъ и оформивъ всесторонне печальное событіе, предали прахъ покойнаго землѣ. На похоронахъ больше всего говорили о томъ, что хорошо было бы подольше не назначать новаго преподавателя исторіи и распределить уроки покойнаго между другимъ преподавателемъ исторіи и преподавателемъ географіи. На другой день послѣ похоронъ на квартиру Сергѣева явился судебный приставъ и сталъ производить опись вещей. Брезгливо перебиралъ приставъ разный старыя хламъ, и съ лица его не сходило выраженіе презрительнаго равнодушія. Когда онъ сталъ пересматривать бумаги покойнаго, ему попался на глаза довольно туго набитый запечатанный конвертъ. Распечатавъ конвертъ, приставъ прочиталъ заглавіе: «Послѣднее сказаніе». Это были записки покойнаго, представлявшія нѣчто въ родѣ дневника. Буркнувъ себѣ что-то подъ носъ, приставъ сунулъ рукопись въ боковой карманъ. Онъ, какъ и Шпекинъ, любилъ почитать что-нибудь занятное.

Вечеромъ, послѣ сытнаго ужина, улегшись въ постель и зажегши свѣчу на ночномъ столикѣ, приставъ вмѣсто обычныхъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» сталъ читать на сонъ грядущій взятую на описи рукопись. Она была написана ровнымъ и четкимъ почеркомъ, и читать можно было какъ по печатному. Вотъ что прочиталъ приставъ:

«Смерть моя, какъ и всякая смерть, причиняемая волей человѣка, будетъ встрѣчена сожалѣніемъ однихъ и осужденіемъ другихъ. Но послѣдніе будутъ не правы. Я не умираю, я перестаю жить. Каждый человѣкъ появляется на свѣтъ Божій съ извѣстнымъ запасомъ жизни, и каждый невольно чувствуетъ, когда этотъ запасъ на исходѣ. «Мы пьемъ изъ чаши бытія съ закрытыми глазами»—сказалъ Лермонтовъ, и хотя глаза наши закрыты, но содержимое чаши намъ такъ дорого, къ нему такъ устремлены въ теченіе всей жизни всѣ наши помыслы и чувства, что наши глаза, какъ глаза сомнамбула, начинаютъ видѣть сквозь преграды. Получается особаго рода ясновидѣніе, которое на обыкновенномъ языкѣ принято называть сквернымъ предчувствіемъ, и когда такое предчувствіе явилось у человѣка, не все ли равно, отъ какой непосредственной причины произошла его смерть. Представьте себѣ, что какое-нибудь растение обладаетъ волей, способной къ самоуничтоженію. Представьте далѣе, что это растение подрѣзано, подкошено, что притокъ соковъ, даруемыхъ ему землей, становится все меньше и меньше. Растеніе постепенно блекнетъ, увядаетъ и сохнетъ. Оно охвачено предсмертной истомой, оно страдаетъ. Скажите, кому нужно зрѣлище этой пытки, кто можетъ лишить страдающее существо права замѣнить сутки, недѣли, мѣсяцы страданія—однимъ мгновеніемъ? Я привелъ это сравненіе и держусь его. Я полагаю, что человѣческая душа—это то же растеніе, нѣжное, хрупкое, нуждающееся въ нѣгѣ и въ уходѣ. Я всегда былъ неизмѣннымъ эволюціонистомъ въ своихъ взглядахъ и въ человѣческомъ сознаніи видѣлъ послѣднее слово эволюціи. Великій библейскій Провидецъ, утверждая, что растенія появились въ третій день, птицы въ пятый и человѣкъ въ шестой, про-

возглашалъ то же самое и лишь чать отдѣльныя черты, отдѣльныя сообразовался съ міровоззрѣніемъ складки на дорогомъ образѣ, мнѣ современниковъ. Душа человѣка кажется, что я сталъ его видѣть такъ же должна имѣть резервуаръ, во всѣхъ деталяхъ. И все я нахо дилъ прекраснымъ, великимъ, мощ нымъ, все находилъ совершеннымъ. Она должна быть окружена эле ментами, которые могла бы упо доблять себѣ, должна имѣть почву, на которой могла бы развиться атмосфера, среди которой могла бы расцвѣсти. Безъ фразъ и метафоръ это значитъ—человѣку нужна душа друга, нужно общество семьи, дѣтей, родныхъ, близкихъ, нужна привязанность, такая же связь съ чѣмъ нибудь живымъ, такая же связь, какая существуетъ между растеніемъ и почвой. Человѣкъ, который вздумалъ бы жить исключи тельно интересами своей личности, напоминалъ бы безумца, устремившагося въ погоню за своей тѣнью. Поставить дѣлю жизни благо лич ности, зная, что жизнь неизмѣнно завершается уничтоженіемъ лично сти, можетъ только безумецъ. По требность въ привязанности, иска ние точки опоры въ чемъ нибудь живомъ и сознающемъ для души пережить этого

то же, что го лодѣи жажда для тѣла. Я всегда съ лю бопытствомъ наблюдалъ различныя формы и раз новидности этого влече нія. Я обого творялъ лю дей, у кото рыхъ это влече ние распро странялось на цѣлыя обще ственныя асоціаціи, у которыхъ оно охватывало цѣлое человѣ чество. Это роскошныя тропическія формы нрав ственнаго чувства. И порой, видя, какъ какая нибудь убо называть сквернымъ предчувствіемъ, гая старушка гладитъ и ла скаетъ свою единственную собачку, я думалъ, что предо мной въ видѣ безконеч но малой величины тотъ же инстинктъ, то же влеченіе, которое, развившись въ могучія формы, создаетъ героев и мучениковъ.

Я тоже искалъ своей точки опоры, и мнѣ казалось, что я нашелъ свою пристань. Вѣрнѣе, меня за нгнали въ нее обстоятельства. Къ тридцати годамъ я остался совер шенно одинокимъ въ мірѣ; безъ родныхъ, безъ близкихъ. Тѣ, кто были раньше, умерли, создавать мину ту новыя связи я не желалъ. Возлѣ меня ничего не было, кромѣ учеб ника исторіи, которую я препода валъ. И я влюбился въ учебникъ. Постепенно изъ за этихъ пожел тѣвшихъ, испещренныхъ замѣтками страницъ, какъ изъ какогс-то сѣраго тумана, сталъ предо мною обрисовываться мощный и обаятель ный образъ нашей родины, какая-то аллегорическая, внѣ-временная и внѣ-пространственная Россія во всей совокупности ея исторіи, содрогающаяся сердце старой дѣвицы, во всей безпредѣльности простран ства. Постепенно я сталъ разли-

Задумавшись, она глядѣла на фар фороваго скрипача въ стилѣ Помпа дуръ, который стоялъ напротивъ на каминѣ, пока ея мысли не бы ли прерваны шуршаніемъ дерзкой мыши. Она откинула голубое покрывало, затканное птицами и гирляндами цвѣтовъ, опустила на полъ стройныя ножки и слегка вздрогнула, коснув шись холоднаго паркета. Взявъ свѣчу, Маржолень подошла къ шкапу и открыла рѣзную дубо вую дверь. Въ шкапу хранились платья ста ринныхъ маркизъ, жившихъ болѣе чѣмъ за два столѣтія назадъ; всевозможныя ткани и нетронутые свертки узорнаго бархата. Точно приподымая завѣсу про шлаго, она вдругъ увидѣла атласную туфельку и обратила въ бѣгство испуганнаго мышенка, который до того момента глядѣлъ на нее рѣ звыми, блестящими глазками. Маржолень вскрикнула. Успокоившись немного, она съ жбопытствомъ взяла туфельку и снова скользнула озябшимъ тѣломъ въ постель, еще не остывшую.

Эта хоршенькая, блѣлая атлас ная туфелька нѣкогда появилась ши, потеряв на свѣтъ изъ искусныхъ и нѣж шей все... Я ныхъ рукъ молодой дѣвушки-про не убиваю се винціалки. Эту туфельку она выши бля, я пере вала сама цвѣтами сирени и под стаю жить, снѣжника.

Вѣточка сирени начиналась у каб мнѣ нехва лучка, тянулась по краю и, расши ряясь на вырѣзѣ башмачка, заканчи халась на красиво заостренномъ носкѣ. Подснѣжники уже поблекли и бы тому что меня ли изгрызаны. Маржолень долго разматривала эту туфельку, и у нея явилось дѣт ское желаніе примѣрить ее на свою миниатюрную ножку, сохранившую ставъ не чи изыщную форму. Забытое прошлое, вызванное ни какъ руко чтожной туфлей, вдругъ ожило въ ея взволнованномъ сердцѣ. Маржолень жила тогда, какъ и въ настоящее время, въ старинномъ замкѣ своей бабушки, которая и составляла всю ея семью. По сосѣдству находилась дача де-Вернейль, окруженная фрукто вымъ садомъ, гдѣ цвѣло много ки тайскихъ розъ. Въ то памятное лѣ гасла. Воца то у де Вернейль гостилъ кузень, пріѣхавшій изъ Парижа.

Первая встрѣча съ нимъ была до вольно церемонна, но потомъ скоро установились дружескія отношенія и даже допускались милыя шутки и вольности, какъ въ доброе старое время.

Если случалось, что бабушка не приводила внучку въ садъ де-Вер нейль собирать ранеты или рейнкло ды, то къ нимъ непременно являлся кузень де-Вернейль, всегда элеган тный, въ бѣломъ галстухѣ, съ гвозди кой или хризантемой въ петличкѣ. Бабушка обыкновенно занималась шитьемъ или штопаньемъ чулокъ, или же вмѣстѣ со старой служан кой приводила въ порядокъ шкапы съ ворохами всякаго хлама, достав шагося ей по наслѣдству, вмѣсто звонкой ренты, вмѣстѣ съ портре тами ея чопорныхъ предковъ въ деревянныхъ золоченыхъ рамкахъ.

Въ такое время Маржолень по простодушію, а Жакъ, можетъ быть, ради развлеченія чувствовали, что ихъ сближеніе становится болѣе задушевнымъ. Они обмѣнивались милыми улыб ками, цвѣтами, вели нескончаемые разговоры о шляпахъ, кружевахъ спорили о чемъ нибудь или читали



Командантъ владивостокской крѣпости ген.-лейт. Г. Н. Казбенъ.

АТЛАСНАЯ ТУФЕЛЬКА

Маленькая глупая мышь, забрав шись ночью въ старинный гардеробъ, что то усердно грызла и разбудила m-це Маржолень. Она медленно по вернулась на своей кровати, заказан ной специально къ ея свадьбѣ, лѣ ниво протерла глаза, кашлянула ра за два и стала прислушиваться. Сквозь стору оконъ фамильнаго замка пробивался свѣтъ луны. На черкнула ее по стѣнѣ; спичка сло малась, она взяла другую и зажгла розовую восковую свѣчу; въ комна тѣ стало свѣтло.

Маржолень болѣе не могла заснуть. Ея предстоящій бракъ съ сельскимъ богачемъ, угреватымъ, какъ яблони на его фермѣ, бракъ, чтобъ испол нить желаніе бабушки, заставлялъ ее предсказать сердце старой дѣвицы, какою она считалась уже четыре года назадъ.

вмѣстѣ, однимъ словомъ вели себя одиночествѣ свою любимицу. какъ влюбленные.

Въ эти тихія отрадныя минуты представила его въ видѣ добраго она, въ присутствіи молодого де-Вернейль, вышивала бѣлыя атласныя тифельки, и потому, конечно, съ такой любовью носила эти крошечныя легкіе башмачки, точно башмачки воздушной феи, случайно потерявшейся въ провинціальномъ уголкѣ.

Въ первый разъ она была въ нихъ на балу у Шантеривъ, когда Кле-Вернейль на эпинетѣ, а его очаровательный кузень на арфѣ съ педалями.

Жакъ, одѣтый по послѣдней парижской модѣ, въ высокомъ, туго накрахмаленномъ воротникѣ, но по провинціальному съ розой въ бутоньеркѣ, былъ необыкновенно любезенъ и оказывалъ Маржолень множество мелкихъ услугъ. Она, счастливая, взволнованная, принимала все съ искреннимъ довѣріемъ.

Въ тотъ вечеръ онъ въ первый разъ поцѣловалъ ей ручку, а потомъ съ небрежной простотой шейку, въ полутьмѣни глубокого стариннаго окна, которыя такъ пригодны въ подобныхъ случаяхъ.

Спустя три дня, Жакъ, побывавъ у всѣхъ знакомыхъ съ прощальнымъ визитомъ, гдѣ почтительнымъ, гдѣ очень нѣжнымъ, уѣхалъ, обѣщая скоро возвратиться.

Маржолень долго глядѣла изъ окна на удаляющуюся карету, запряженную парой вороныхъ лошадей де-Вернейлей, увозившихъ Жака по дорогѣ, окаймленной тополями. Нечего добавлять, конечно, что она махала вслѣдъ бѣлымъ багистовымъ платочкомъ.

Затѣмъ Маржолень снова принялась за обычныя занятія въ ожиданіи корректнаго избранника ея сердца, который несомнѣнно долженъ скоро возвратиться изъ Парижа.

На память о немъ Маржолень сохранила нѣсколько цвѣточковъ и эту атласную тифельку, много говорившую ей, свидѣтельница ея любовныхъ грезъ.

Время проходило; цвѣты давно отцвѣли, прошло и слѣдующее лѣто, а кузень де-Вернейль не думалъ возвращаться.

Воспоминанія мало-по-малу поблекли, также какъ и вышивка на атласномъ башмачкѣ. Маржолень незаметно для себя превратилась въ старую дѣву и стала покрывать голову, какъ обыкновенно дѣлали въ Нормандіи или Бретани почтенныя вдовы или тѣ, которыя потеряли надежду дожидаться его.

И если онъ явился, то благодаря исключительно заботливости бабушки, преклонный возрастъ которой серьезно озабочивалъ ее и которая не желала оставлять въ полномъ

Въ одно прекрасное время она тѣ, точно самъ Марсія,—проговорила голосъ.

— А вы великолѣпно на эпинетѣ, господинъ де-Вернейль,—отвѣтила другая.

Восхищеніе не миновало также арфиста. Маржолень оправила шелковый бантъ своего кушака и повернулась, чтобъ итти; къ ней подошелъ Жакъ и предложилъ розу. Эпинетъ и скрипка заиграли снова.

— Это вальсъ!

Маржолень позволила увлечь себя въ вихрѣ вальса. Она была стройна и легка, какъ дитя. Бѣлыя атласныя тифельки быстро скользили по паркету. Все завертѣлось вокругъ....

Теперь они стояли рядомъ, облокотясь на перила балкона, имъ не хотѣлось танцевать.

Изъ залы доносились звуки музыки, но ихъ заглушало бѣненіе ея сердца, которое, казалось, готово было разорваться. Онъ близко наклонился надъ нею; ночная прохлада обрѣла ихъ. Она вдругъ почувствовала на своей шеѣ нѣжное прикосновеніе его губъ.

— Маржолень, Маржолень, я люблю васъ....

Она вся затрепетала отъ сладкого волненія.

Музыка играла все тише, точно подъ сурдинкой, и нѣжно, нѣжно отзывалась въ ея сердцѣ.

Вдругъ раздался сухой трескъ... струна лопнула, музыка оборвалась.

На слѣдующее утро, прочитавъ молитвы, перебравъ по нѣскольку разъ четки, бабушка открыла въ садѣ окно, въ которое ворвался ароматъ цвѣтущихъ персиковъ и вишенъ, и направилась дрожащей старческой походкой къ комнатѣ своей обожаемой внучки.

Постучавъ три раза и не получивъ отвѣта, она открыла дверь и увидѣла догоравшій огарокъ свѣчи.

Маржолень, распростертую на своемъ бранномъ ложѣ, покоившуюся въ чинномъ сномъ; она умерла отъ аневризма. На полу, подлѣ кровати, лежала полинявшая атласная тифелька.

Вы прелестно играете на флейде-фермера въ короткомъ, неуклюжемъ сюртукѣ, огромныхъ сапогахъ, затѣ, стѣнчиво теребившаго шляпу въ чалѣ другой.

Восхищеніе не миновало также арфиста. Маржолень оправила шелковый бантъ своего кушака и повернулась, чтобъ итти; къ ней подошелъ Жакъ и предложилъ розу. Эпинетъ и скрипка заиграли снова.

— Это вальсъ!

Маржолень позволила увлечь себя въ вихрѣ вальса. Она была стройна и легка, какъ дитя. Бѣлыя атласныя тифельки быстро скользили по паркету. Все завертѣлось вокругъ....

Теперь они стояли рядомъ, облокотясь на перила балкона, имъ не хотѣлось танцевать.

Изъ залы доносились звуки музыки, но ихъ заглушало бѣненіе ея сердца, которое, казалось, готово было разорваться. Онъ близко наклонился надъ нею; ночная прохлада обрѣла ихъ. Она вдругъ почувствовала на своей шеѣ нѣжное прикосновеніе его губъ.

— Маржолень, Маржолень, я люблю васъ....

Она вся затрепетала отъ сладкого волненія.

Музыка играла все тише, точно подъ сурдинкой, и нѣжно, нѣжно отзывалась въ ея сердцѣ.

Вдругъ раздался сухой трескъ... струна лопнула, музыка оборвалась.

На слѣдующее утро, прочитавъ молитвы, перебравъ по нѣскольку разъ четки, бабушка открыла въ садѣ окно, въ которое ворвался ароматъ цвѣтущихъ персиковъ и вишенъ, и направилась дрожащей старческой походкой къ комнатѣ своей обожаемой внучки.

Постучавъ три раза и не получивъ отвѣта, она открыла дверь и увидѣла догоравшій огарокъ свѣчи.

Маржолень, распростертую на своемъ бранномъ ложѣ, покоившуюся въ чинномъ сномъ; она умерла отъ аневризма. На полу, подлѣ кровати, лежала полинявшая атласная тифелька.

ТОРНАДО

Разсказъ Франна Сэвила. (Съ англійскаго).

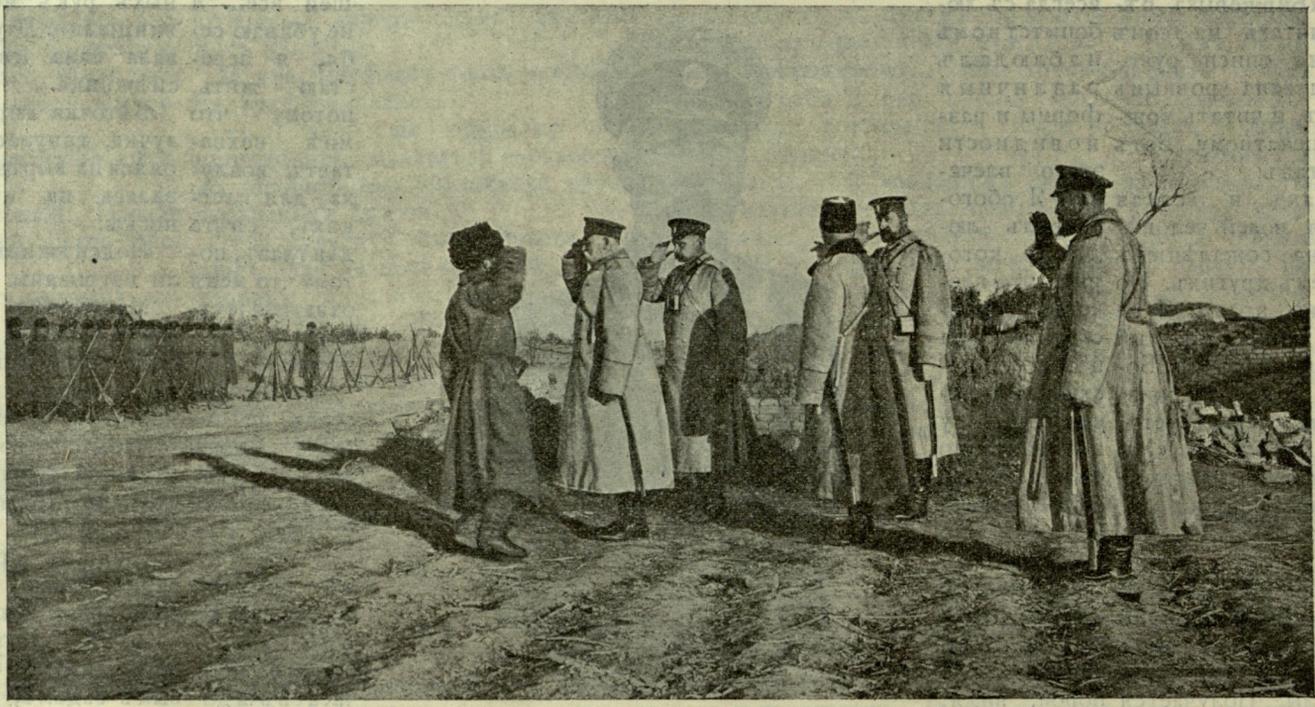
Фэншау приподнялся, отбросилъ кирку и съ глубокимъ разочарованіемъ уставился на ровъ, вырытый имъ въ склонѣ горы.

Окружающія скалы точно плавались подъ палящимъ дыханіемъ безпощаднаго зноя. Небо было сѣроголубого цвѣта, раскаленная земля тускла, точно свинець. Ни малѣйшее облачко не обѣщало облегченія, кромѣ густого туманнаго кольца далеко на восточномъ краю горизонта.

Все окружающее наводило лишь на печальныя размышленія. Канавы стояли сухими и точно молили о струѣ холодной водой. Шлюзы, покосившись на бокъ, зіяли широкими щелями. Единственная громадная сосна, торчавшая надъ большимъ баракомъ, точно висѣлица, и та носила на себѣ типическіе признаки упадка, являясь жалкимъ осколкомъ росшаго тутъ когда-то могучаго, темнаго лѣса.

Покинутый рудникъ Деревя не обманывалъ своей репутаціи. Онъ громоздился на склонѣ холма печальной руиной, кровнымъ оскорбленіемъ для природы отъ руки давно уже исчезнувшихъ людей.

Рудокопъ направился къ своему бараку. Въ то-же мгновеніе у него вырвалось восклицаніе, и онъ приподнялъ руку къ глазамъ, защищаясь отъ солнца. Не дальше чѣмъ въ четверти мили отъ него вдоль потропинкѣ, бѣжавшей съ холма на холмъ, карбалась лошадь съ всадникомъ. Фэншау пробормо-



ПРИЕМЪ РАПОРТА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ МАНДЖУРСКИМИ АРМІЯМИ ГЕНЕРАЛОМЪ ЛИНЕВИЧЕМЪ ВЪ 4-МЪ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМЪ КОРПУСѢ ВЪ ДЕРЕВНѢ ЭРДАГОУ.

талъ что то про себя, и полу-радостная улыбка зазѣлилась у него на губахъ. Онъ повернулся спиной къ хижинѣ и прислонился къ бревенчатой стѣнѣ; улыбка и раздумье постоянно смѣняли другъ друга на его лицѣ. Какой-то блескъ появился въ его спокойныхъ сѣрыхъ глазахъ.

Всадникъ приближался. Уже за сотню ярдовъ у него въ рукѣ въ видѣ привѣтствія замелькалъ платокъ. Фэншау живо проподнялъ руку и отвѣтилъ на привѣтъ. Минуту спустя лошадь медленно пошла къ нему и остановилась. На него сверху смотрѣла дѣвущка, одѣтая въ костюмъ пыльно-сѣраго цвѣта, который какъ нельзя лучше гармонировалъ съ окружающимъ ландшафтомъ. Ея сомбреро бросало тѣнь на личико, слегка зарывшее отъ солнца и вѣтра, въ то время какъ глубокіе каріе глаза пытливо впились въ Фэншау. Прелестныя маленькіе локончики, растрепанные ветромъ, растрепанные ветромъ.

*) Американское названіе урагана (прим. переводчика).

Перев. Е. Кр.

панье быстрой вздой, свѣшива- много объ этомъ, и разговаривали. Я Она увидѣла, какъ его лицо по- блѣднѣло подъ густымъ слоемъ за- деи въ моемъ положеніи, которые

Въ теченіе приблизительно секунды оба молча смотрѣли другъ на друга. Наконецъ дѣвушка пер- вая заговорила:

— Помоги мнѣ слѣзть, Джекъ, — сказала она, бросая поводья на шею лошади. Въ тонѣ ея голоса сквозилъ злобный, даже вызывающій отгѣ- нокъ. Фэншау подошелъ къ стре- мени и медленно протянулъ одну руку.

— Обѣ! — нетерпѣливо крикнула она.

Фэншау приподнял и другую руку съ угловатой граціей семафора. На мгновение она заколебалась. Затѣмъ съ невѣроятной быстротой она соскользнула прямо въ его не- вольныя объятія.

Его глаза, старавшіеся сначала избѣгать ея, наконецъ противъ его воли встрѣти-

лись съ глазами дѣвушки. Проч- та, что такое въ нихъ, она отско- чила назадъ, счастливо раз- смѣялась и хлоп- нула затылкомъ въ перчатки руками.

— И тебѣ жал- ко поцѣлуй — маленького про- стого поцѣлуй — для твоей не- вѣсты, которая только изъ за него проѣхала пятьсотъ миль по желѣзной до- рогѣ и затѣмъ 12 на костлявой спинѣ наемнаго мустанга? — спросила она.

Фэншау мед- ленно опустилъ руку въ кар- манъ и извлекъ оттуда трубку. Онъ началъ на- бивать ее изъ маленькаго по- тертаго кисета.

— У меня нѣтъ невесты, — от- вѣтилъ онъ тор- жественно и за- жегъ спичку.

Она насмѣш- ливо погрозила ему пальцемъ.

— Нѣтъ есть, нѣтъ есть, — воскликнула она оби- женно. — Восемь мѣсяцевъ назадъ вы просили и получили руку Му- рриси, дочки послѣдняго Джемса Форде въ Картервиллѣ, Миссури. Обрученіе было объявлено во все- общемъ свѣдѣніи во всѣхъ газетахъ. Всѣ друзья поздравили ихъ, гово- ря, что они давно знали, что это такъ кончится. Правда это?

— Да, — согласился онъ, съ оже- сточеніемъ выпуская клубъ дыма, но я вернулъ вамъ ваше слово.

Она рѣшительно трянула головой. — Нѣтъ, — возразила она. — Это не такъ. Вы попробовали сдѣлать это, но я не такая дѣвушка, чтобы покориться судьбѣ безъ борьбы. Я не приняла обратно своего слова — я осмѣлилась сдѣлать это — и теперь я здѣсь.

Фэншау пододвинулся къ ней.

— Послушайте, дорогая, — спокой- но началъ онъ, — мы уже и писали

уже высказалъ свое намѣреніе и не отступлюсь отъ него. Вы богатая наслѣдница. Я бѣднякъ, но чувст- во чести у меня не заглохло еще. Если какимъ-либо образомъ вогъ- тому траншеями скату горы, — от- кроетъ свою игру и дастъ мнѣ хотя бы часть того, что оно давало ран- ше и затѣмъ отняло у меня, если въ связи съ этимъ наше социальное положеніе хотя бы и въ незначи- тельной степени сравнится, я вер- нусь и... — онъ запнулся.

— Ир... — И спросилъ бы у васъ, сво- бодны ли вы еще.

— Ты бы и не могъ найти меня иначе, я въ плѣну и всегда связа- на съ тобой, Джекъ, хотя бы ты и отказывался отъ меня до конца вѣка.

Онъ нетерпѣливо откинулъ го-

— Да, такъ свѣтъ называется лю- дей въ моемъ положеніи, которые женятся на дѣвушкахъ въ ва- шемъ, — глухо сказалъ онъ.

— Свѣтъ, свѣтъ, — размѣялась она. — Такъ это свѣтъ стоитъ между нами, приказываетъ вамъ затемнить свои дни, разбиваетъ мою жизнь, ввергаетъ насъ обоихъ въ несчастіе!

Еще разъ онъ не нашелъ ника- кого отвѣта, кромѣ пожатія пле- чами. Она устало откинулась на скамейку.

— Честь, — сурово отвѣтилъ онъ. — Честь, какъ по отношенію къ жи- вымъ, такъ и мертвымъ.

Она привскочила. — Къ мертвымъ? — спросила она живо. — Мертвымъ?

Онъ утвердительно кивнулъ. — Я вашъ опекунъ.

— Да а? — Когда вашъ отецъ умиралъ, онъ ужасно боялся за васъ. Онъ бѣда будетъ на моей сторонѣ. О,

да, я возьму верхъ. Я не да- ромъ берусь за что нибудь, вотъ вы увиди- те. Но въ на- стоящій моментъ самымъ необхо- димымъ для ме- ня является по- ѣсть. Я слиш- комъ голодна, чтобы спорить. Что есть у васъ въ этой кучѣ бревень, кото- рую вы называе- те бараккомъ? Хлѣбъ, масло, сыръ?

Онъ смутил- ся.

— Мы, мы не имѣемъ такихъ вещей, — про- бормоталъ онъ. — Тамъ есть не- много бобовъ и ветчины... и я боюсь, что это все.

Она откину- ла голову и звонко размѣ- ялась.

— Боюсь, что это все! — пере- дразнила она его. — Какъ буд- то только за этимъ я скака- ла въ жару столько миль на этой... этой

антилопѣ, — прибавила она неблаго- дарно кивнувъ въ сторону мустанга, который тщетно искалъ хотя-бы клочка травы на изсохшей почвѣ.

— Войдите, — гостеприимно при- гласилъ онъ ее, показывая рукой въ сторону хижины.

Она посмотрѣла на нее. — Я видѣла куда лучше устроен- ные свинарни, — съязвила она, щипая насъ въ презрительной гримасѣ.

— Здѣсь не стоитъ строиться по- лучше, — объяснилъ онъ. — Все рав- но, хижину приходится заново от- страивать по крайней мѣрѣ раза три въ годъ.

Ея брови приподнялись. — Три разъ въ годъ? — удивленно повторыла она, пока онъ улыбался.

— Развѣ до васъ не дошла ре- путація Дивейда? — спросилъ онъ, на ушелье, перерѣзавшее холмы позади ихъ.

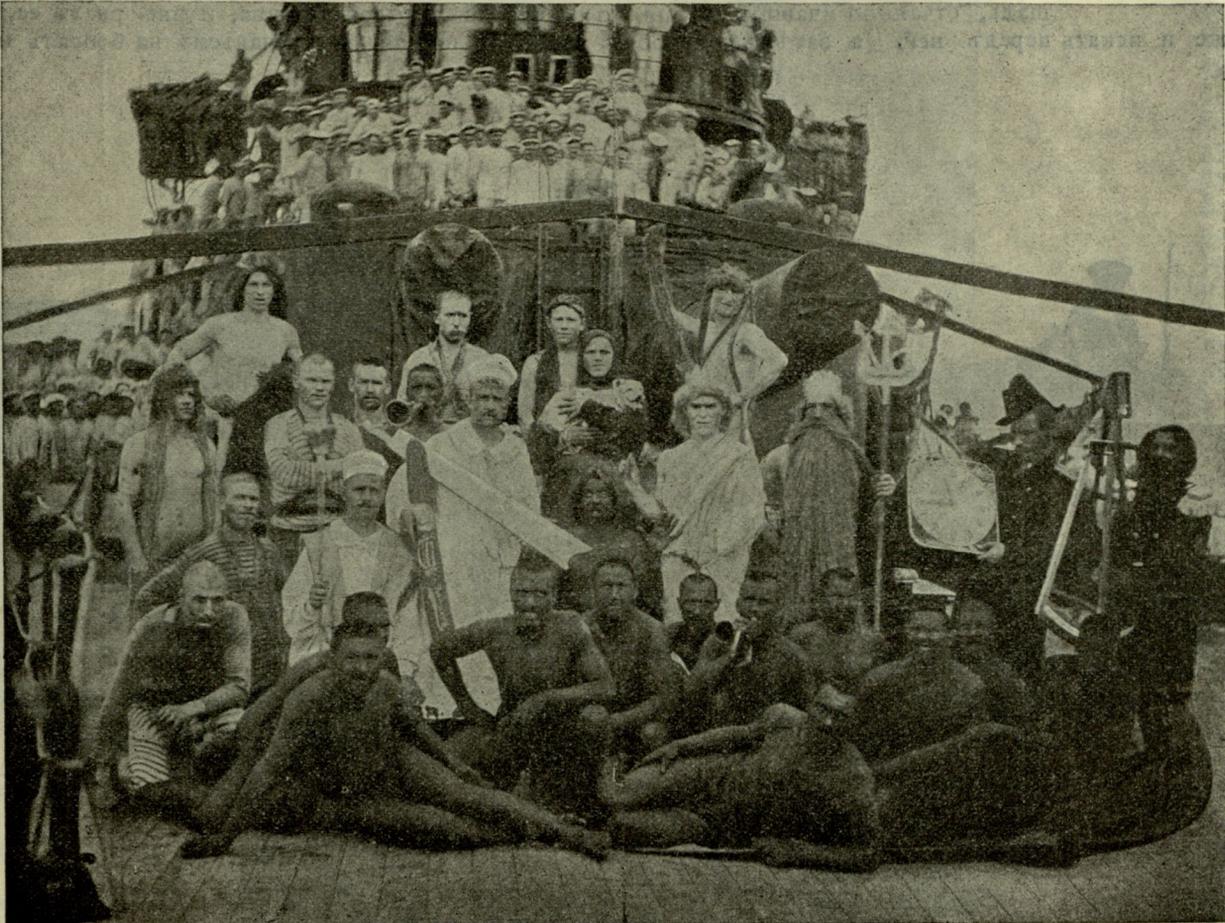
— Все равно, — воскликнулъ онъ. — зналъ, что можетъ ожидать бога- тую наслѣдницу. Мы говорили объ этомъ. Это было раньше..

— Раньше, чѣмъ вы дали мнѣ свое слово? — прервала она.

Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ. — Мое первое слово было дано ему. Я поклялся, что съ моего со- гласія ни одинъ искатель поживы не обманетъ вашей неопытности. И, разъ данное, мое слово никогда не нарушалось.

На мгновение замолчавъ, она уста- вилась на него съ полу-насмѣшли- вымъ, полу-восхищеннымъ выраже- ніемъ. Онъ уже больше не опирал- ся о бревно. Онъ стоялъ, выпря- мивъ спину и напрягая плечи, точ- но передъ атакой опаснаго врага.

— Такимъ образомъ, мой отецъ могъ бы смотрѣть на васъ, какъ на искателя наживы? — спросила, на- нецъ, она.



Эскадра адмирала Рожественскаго. Празднованіе перехода черезъ экваторъ.

— Тамъ подалеже лежатъ вѣчные снѣга,—сказалъ онъ.—Въ сухую погоду, послѣ долгаго затишья, внезапное свозное теченіе устанавливается между горячимъ и холоднымъ воздухомъ—образуется торнадо. Случается это три или четыре раза каждое лѣто. Сильный ливень наполняетъ эти канавы, и на крыльяхъ урагана уплываетъ и моя хижина.

Она посмотрѣла на него съ ужасомъ въ глазахъ.

— А вы?—вскрикнула она.—А вы? Онъ засмѣялся.

— Что-же я. Легкія крутящіяся кольца изъ песка предупреждаютъ меня объ идущей опасности, и я скрываюсь въ погребъ.

— Погребъ,—повторила она,—какой погребъ?

Онъ указалъ на сосѣдній край канавы.

Слѣдуя за его жестомъ, она замятила обитую цинкомъ дверцу, легла выдѣляющуюся на бурой поверхности. Она находилась на одномъ уровнѣ съ окружающей глиной. Муріэль съ отчаяніемъ всплеснула руками.

— Отлично, если уже и искать причинъ для изгнанія васъ изъ этого противнаго мѣста, то вотъ ужъ одна на лицо. Ея совершенно достаточно, Джекъ. Я прогону васъ отсюда, я употреблю весь свой умъ, чтобы сдѣлать это, и одолѣю васъ. Погодите, Джекъ! Но пока, какъ обстоитъ дѣло съ бобами и ветчиной? вѣдь я голодна.

Онъ улыбнулся и вѣжливо открылъ дверь настежь. Съ видомъ нескрываемого презрѣнія она перешагнула порогъ.

Несмотря на простую кухню, въ слѣдующую минуту она съ удивленіемъ удостовѣрилась въ искусномъ управленіи хозяиномъ дома скородой. Ветчина аппетитно шипѣла, бобы испускали вкусный запахъ. Она похвалила и то и другое и, когда завтракъ былъ поданъ, съ рвеніемъ накинулась на него.

Поварь и гостя обнаружили весьма завидный аппетитъ и вдвоемъ прикончили содержимое большого блюда бобовъ.

Съ видомъ полного удовлетворенія Муріэль отодвинула свой стулъ отъ стола, воздвигнутаго на опрокинутомъ ящикѣ. Она взяла въ руки роговую трубку, которую Фэншау положилъ на полку.

— Курите,—приказала она.—Теперь я могу говорить съ вами, какъ разумное человѣческое существо съ другимъ, Джекъ. Было ошибкой съ моей стороны пускаться въ объясненія голодной.

Онъ снова улыбнулся, но въ рѣшительной линіи его губъ не было и тѣни покорности. Онъ протянулъ руку за трубкой и сталъ набивать ее.

Внезапно наступившую тишину и

нарушилъ новый звукъ, донесшійся снаружи. Какой-то шорохъ, точно перекатывающаяся въ пустомъ ящикѣ дробь, окуталъ бревекчатая стѣны хижины. Цинковая крыша стала дрожать и биться на гвоздяхъ. Фэншау отбросилъ трубку. Онъ вскочилъ на ноги и кинулся вонъ изъ двери.

Въ слѣдующій моментъ онъ уже снова былъ въ хижинѣ. Его рука съ силой упала на плечо дѣвушки.

— Идите!—лихорадочно сказалъ онъ.—Бѣгите, дѣло идетъ о вашей жизни.

Она въ удивленіи вскочила на ноги. Прежде чѣмъ она смогла промолвить слово, онъ увлекъ ее на воздухъ и потащилъ куда то черезъ потемнѣвшее пространство.

Для Муріэли слѣдующія немногія минуты промелькнули въ какомъ-то смутномъ туманѣ. Ей удалось замѣтить, что небо исчезло за покровомъ изъ тучъ, что пыль, голыши и щепки, все крутилось вокругъ нея въ воронкообразныхъ вихряхъ. Ея взглядъ упалъ на обезумѣвшую лошадь, отчаянно мчавшуюся впередъ, а затѣмъ она обру-

можетъ дѣлать это съ испуганнымъ ребенкомъ.

— Это продолжится минуту или двѣ,—увѣрялъ онъ ее.—Это пройдетъ, прежде чѣмъ вы успеете опомниться. Я уже не разъ видѣлъ такіе же вещи, по крайней мѣрѣ разъ десять.

Она спрятала лицо въ отвороты его куртки.

— Мы будемъ похоронены,—простонала она,—похоронены заживо.

— Ни въ какомъ случаѣ,—отвѣтилъ онъ нѣжно.—Черезъ минуту или двѣ...

Страшный трескъ, ужасный, раздирающій звукъ—заглушилъ его голосъ. За нимъ послѣдовалъ тяжелый стукъ, захрохотавшій какъ разъ надъ самыми ихъ головами. Полу-оглушенный Фэншау машинально поднялъ глаза кверху и съ удивленіемъ удостовѣрился, что трещина въ деревѣ и металлъ давала проникнуть въ погребъ тусклому свѣту. Въ то-же мгновеніе стволъ. Слабѣе и слабѣе отзвуки его полета стали доноситься издали; наступила мертвая тишина, и внезапно съ шумомъ и журчаньемъ на

Голосъ Муріэли раздался въ ея ушахъ, ея пальцы ошупали его и охватили за руку:—Возьми меня отсюда,—завучала ея мольба.—О, возьми отсюда.

На секунду судорога сжала его горло. Онъ съ нервнымъ усиленіемъ перевелъ дыханіе. Звукъ заглушеннаго, тихаго рыданія донесся до него черезъ мракъ, и это моментально вернуло ему обычное хладнокровіе.

Онъ повернулся къ ней, онъ сталъ ей доказывать, что все происшедшее—пустяки, абсурдъ, онъ сталъ успокаивать ее, онъ пообѣщавъ ей, что черезъ часъ, не больше, они будутъ на свободѣ,—какой черезъ часъ, черезъ нѣсколько минутъ; онъ сталъ смѣяться, идиотски острить насчетъ непредвидѣнныхъ приключеній жизни въ горахъ. Онъ сдѣлался даже грубымъ въ непреодолимомъ желаніи убѣдить ее и превозмочь ея страхъ.

Она не отвѣчала, и только по временамъ тихіе вздохи долетали до него. Это точно свело его съ ума. Онъ набросился на глину. Онъ рвалъ ее, копалъ, выцарапывалъ и бросалъ на землю цѣлые куски ея. Его дыханіе сдѣлалось теплымъ и прерывистымъ. По цинковой-же крышкѣ безпрестанно барабанилъ дождь.

Минуту спустя внезапный крикъ сразу остановилъ Фэншау въ его ожесточенной работѣ.

— Ахъ,—простонала Муріэль.—Въ этомъ восклицаніи слышалось нѣчто болѣе, чѣмъ простое удивленіе. Въ немъ звучалъ страхъ.

— Вода падаетъ мнѣ на спину,—объяснила она.

Фэншау круто обернулся къ ней. Тусклый лучъ свѣта, пробивавшійся черезъ закован-



Переноска раненаго товарища послѣ боя.

ную дверь, позволялъ видѣть небольшую струю воды, сбѣгавшую по двери и падавшую затѣмъ въ яму.

Фэншау попытался усмѣхнуться.—Развѣ вы не можете избѣжать ея, попробуйте?—спокойно задалъ онъ вопросъ и снова принялся за свою работу.

На минуту настало молчаніе. —Да—сказала она, наконецъ, и Фэншау послышалось новое выраженіе въ ея голосѣ—да, я то могу избѣжать воды, но зато она не можетъ убѣжать отсюда.

У Фэншау замерло сердце. Онъ взглянулъ внизъ. У его ногъ уже было на полдюйма воды. Его сапоги шлепали въ ней, и лужа все растекалась вширь. Минута за минутой вода все поднималась.

Черезъ часъ, если не меньше, яма будетъ полна. При сознаніи своей судьбы точно внезапное бѣшенство загорѣлось въ жилахъ мужчины. Онъ яростно набросился на непроницаемую землю. Онъ работалъ, какъ безумецъ, онъ рылъ, онъ выколачивалъ, онъ сбрасывалъ внизъ громадныя глыбы положившей ихъ земли и топталъ ихъ

землю обрушился сильнѣйшій ливень.

Фэншау приподнялся и уперся рукою въ дверцу. Она не шелухнулась.

Она уставился обѣими ладонями въ нее и напрягъ плечи съ такой силой, что, казалось, мышцы лоп-

нутъ. Дверь упорно не поддавалась. Острыя иглы страха пронизали все его существо, потъ выступилъ на лбу. Онъ приложилъ глаза къ трещинѣ въ дверцѣ и взглянулъ наружу. У него вырвалось невольное проклятіе, и дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ.

Сухой стволъ великана-сосны не выдержалъ натиска бури и полегалъ внизъ, упавъ поперекъ отверстія погреба. Основаніе его лежало какъ разъ на дверцѣ, тогда какъ верхушки и вѣтви, судя по положенію ствола, запрудили канаву. Каналъ же мало-помалу наполнялся, это ясно показывалъ журчащій шумъ воды. Они будутъ въ плѣну до тѣхъ поръ, пока голыми пальцами онъ не проложитъ себѣ выходъ черезъ полдюжину фуговъ высохшей отъ солнца глины.

Шумъ усилился. Песокъ съ визгомъ проносился по цинку двери.

Съ страшнымъ грохотомъ пустые шлюзы бились то объ одну сторону канавы, то о другую, точно собираясь выпрыгнуть изъ нея. Слышно было, какъ станки и козлы трещали, точно мачтовый лѣсъ. Лѣстницы щелкали одна о другую, со-

дрогаясь всѣми ступеньками рѣзкой металлической звукъ, поднимавшійся и внезапно исчезнувшій въ общей свалкѣ, далъ понять, что крыша хижины понеслась внизъ по ущелью. Секунду спустя трескъ и стукъ дерева показали, что бревна стѣны отправились въ погоню за ней.

Муріэль, вся дрожа, прижималась къ своему спутнику. Фэншау насколько могъ утѣшалъ ее, какъ только мать

можетъ дѣлать это съ испуганнымъ ребенкомъ.

— Это продолжится минуту или двѣ,—увѣрялъ онъ ее.—Это пройдетъ, прежде чѣмъ вы успеете опомниться. Я уже не разъ видѣлъ такіе же вещи, по крайней мѣрѣ разъ десять.

Она спрятала лицо въ отвороты его куртки.

— Мы будемъ похоронены,—простонала она,—похоронены заживо.

— Ни въ какомъ случаѣ,—отвѣтилъ онъ нѣжно.—Черезъ минуту или двѣ...

Страшный трескъ, ужасный, раздирающій звукъ—заглушилъ его голосъ. За нимъ послѣдовалъ тяжелый стукъ, захрохотавшій какъ разъ надъ самыми ихъ головами. Полу-оглушенный Фэншау машинально поднялъ глаза кверху и съ удивленіемъ удостовѣрился, что трещина въ деревѣ и металлъ давала проникнуть въ погребъ тусклому свѣту. Въ то-же мгновеніе стволъ. Слабѣе и слабѣе отзвуки его полета стали доноситься издали; наступила мертвая тишина, и внезапно съ шумомъ и журчаньемъ на

бросалъ на землю цѣлые куски ея. Его дыханіе сдѣлалось теплымъ и прерывистымъ. По цинковой-же крышкѣ безпрестанно барабанилъ дождь.

Минуту спустя внезапный крикъ сразу остановилъ Фэншау въ его ожесточенной работѣ.

— Ахъ,—простонала Муріэль.—Въ этомъ восклицаніи слышалось нѣчто болѣе, чѣмъ простое удивленіе. Въ немъ звучалъ страхъ.

— Вода падаетъ мнѣ на спину,—объяснила она.

Фэншау круто обернулся къ ней. Тусклый лучъ свѣта, пробивавшійся черезъ закован-

ногами, точно это были вредныя съ неудержимой силой всю массу тѣмъ бѣгомъ кинулся къ руслу пресмыкающіяся, виновныя въ ихъ деревья. То, что угрожало имъ, послужило также къ ихъ спасенію—положеніи. Ногами и руками боролся онъ съ неподдающейся глиной и подвигался въ ней—дюймами.

Вода была его колѣнь. Спустился онъ на колѣни, и вода поднялась до помы его куртки; ей понадобилось еще четверть часа, и увязая въ глину, онъ послѣднее коснулся его подмышекъ, и валъ за ней.

Затѣмъ, все возрастая, облизать его плечи. Снаружи усиливающейся грохотъ канавы показывалъ, что горный потокъ понемногу превращался въ цѣлую рѣку.

Когда растущій уровень воды коснулся его затылка, Фэншау громко вскрикнулъ. Онъ просунулъ пальцы въ щель въ дверцѣ надъ головой и вцѣпился въ дерево. Всей своей силой онъ налегъ на дверцу.

Раздался легкій трескъ, и небольшой осколокъ шепки, длинной въ дюймъ, не больше, остался у него въ рукахъ. Расширившееся отверстіе показало лишь безнадежность надежды. Стволъ и глина, размытые водой, точно слились воедино. Нечего было и думать просунуть даже руку, не говоря уже о головѣ, тѣмъ болѣе о плечахъ.

Онъ услышалъ вздохъ. То, что касалось его затылка, начинало уже покрывать губы Муріэли. Онъ привлекъ ее къ себѣ, приподнял, прижалъ къ груди. Онъ сталъ покрывать ее страстными поцѣлуями.

Онъ произносилъ безсвязныя слова любви, ободренія, прощанія. Ея руки обвили его шею. Ея губы прижались къ его лбу.

— Вмѣстѣ,—прошептала она замирающимъ голосомъ,—мы можемъ встрѣтить ее вмѣстѣ.—Онъ задыхался. Холодная струя медленно поднималась въ его стѣсненной груди и коснулась наконецъ его лица. Онъ напрягъ свои силы для послѣдней борьбы, онъ пилъ послѣдними, глубокими глотками воздухъ, его губы зашептали молитву...

Трахъ! наверху что-то сильно треснуло, внезапный звукъ точно набѣжавшей могучей волны задрожала въ пространствѣ, и мгновенный лучъ свѣта озарилъ яму, какъ будто стволъ громаднаго дерева соскользнулъ съ трещины на дверцѣ. Черезъ нѣсколько времени большіе корни зашуршали по цинковой обивкѣ крышки. Дверь дрогнула, приподнялась и затѣмъ съ трескомъ упала на землю, откинута въ сторону могучимъ, послѣднимъ усиліемъ почти уже задохнувшегося Фэншау... Его глазамъ блеснуло голубое небо.

Вскнувъ черезъ силу голову на свѣжій воздухъ и свободу, Фэншау могъ дать себѣ отчетъ, какимъ образомъ они спаслись. Великана-сосны уже не было, она видѣлась уже дальше въ пятидесяти ярдахъ, медленно влекомая потокомъ внизъ въ долину. Ново-образовавшійся потокъ, запруженный громадой сучьевъ, яростно набросился на эту преграду и, наконецъ, отбросилъ ее въ сторону, сдвинувъ вмѣстѣ съ тѣмъ токъ, наполнилъ его пескомъ и за-

ли тамъ и смѣялись,—удивленно закричала она.—Подумать объ этомъ! Часъ, нѣтъ, годъ, вѣкъ, Джекъ, тиль Муріэль. Не сошелъ ли онъ съ ума отъ реакціи? Не было ли то нервное потрясеніе, вызванное неожиданнымъ спасеніемъ? Онъ снялъ свою шапку и сталъ съ торжествомъ махать ею въ воздухѣ. Онъ окликнулъ ее, онъ настойчиво сталъ звать ее къ себѣ. — Посмотри,—кричалъ онъ, указывая на горсть песка у его колѣнь.— Посмотри сюда! Это богатство, это любовь! Это все для меня, это ты сама, моя Муріэль!

Медленно, колеблясь, подошла она ближе. Она остановилась, опустила глаза и въ мгновение поняла. Промежъ гравія и песка тамъ и сямъ проблескивали мельчайшія крупинки металла.

Медленно, колеблясь, подошла она ближе. Она остановилась, опустила глаза и въ мгновение поняла. Промежъ гравія и песка тамъ и сямъ проблескивали мельчайшія крупинки металла.

Медленно, колеблясь, подошла она ближе. Она остановилась, опустила глаза и въ мгновение поняла. Промежъ гравія и песка тамъ и сямъ проблескивали мельчайшія крупинки металла.

— Ура, затерянная руда!—закричалъ онъ. Клянусь моей жизнью, я нахожу ее!—Онъ вкочилъ на ноги. Его руки крѣпко обвили ее станъ, и его поцѣлуи загорѣлись у нея на лицѣ.

— А теперь я сдаюсь,—произнесъ онъ,—теперь я, я иду къ тебѣ! Радость моя, теперь я прошу, я умоляю. Съ честью я могу сказать: приди ко мнѣ, будь моей женой.

На мгновение она вперила въ него свои глаза, точно безумная. Затѣмъ ея глаза, какъ бы подъ влияніемъ неудержимаго импульса, обратились къ погребу, тому погребу, который теперь, наполненный до краевъ водой предательской канавы, зиялъ своей морщашейся отъ легкаго вѣтерка пастью къ голубому небу. Она содрогнулась. Она прижала свое лицо ко къ его вздымающейся груди.

— О, Джекъ,—прошептала она благодарно,—о, Джекъ!

М. Эльсинооръ.

РѢШЕНІЕ ШЕЙХА.

(Эскизъ С. Фаринкай).

Надъ Танжеромъ стоитъ чудное утро. Муэдзины съ высокихъ башенъ призываютъ народъ къ молитвѣ, и ихъ протяжные голоса звучатъ въ утреннемъ воздухѣ и сливаются въ одну прекрасную мелодію. Едва они затихли, какъ во всѣхъ направленіяхъ раздается пѣніе пѣтуховъ, и всѣ эти звуки, наконецъ, заключаются громкимъ выстрѣломъ изъ пушки.

Сегодня день рожденія пророка.

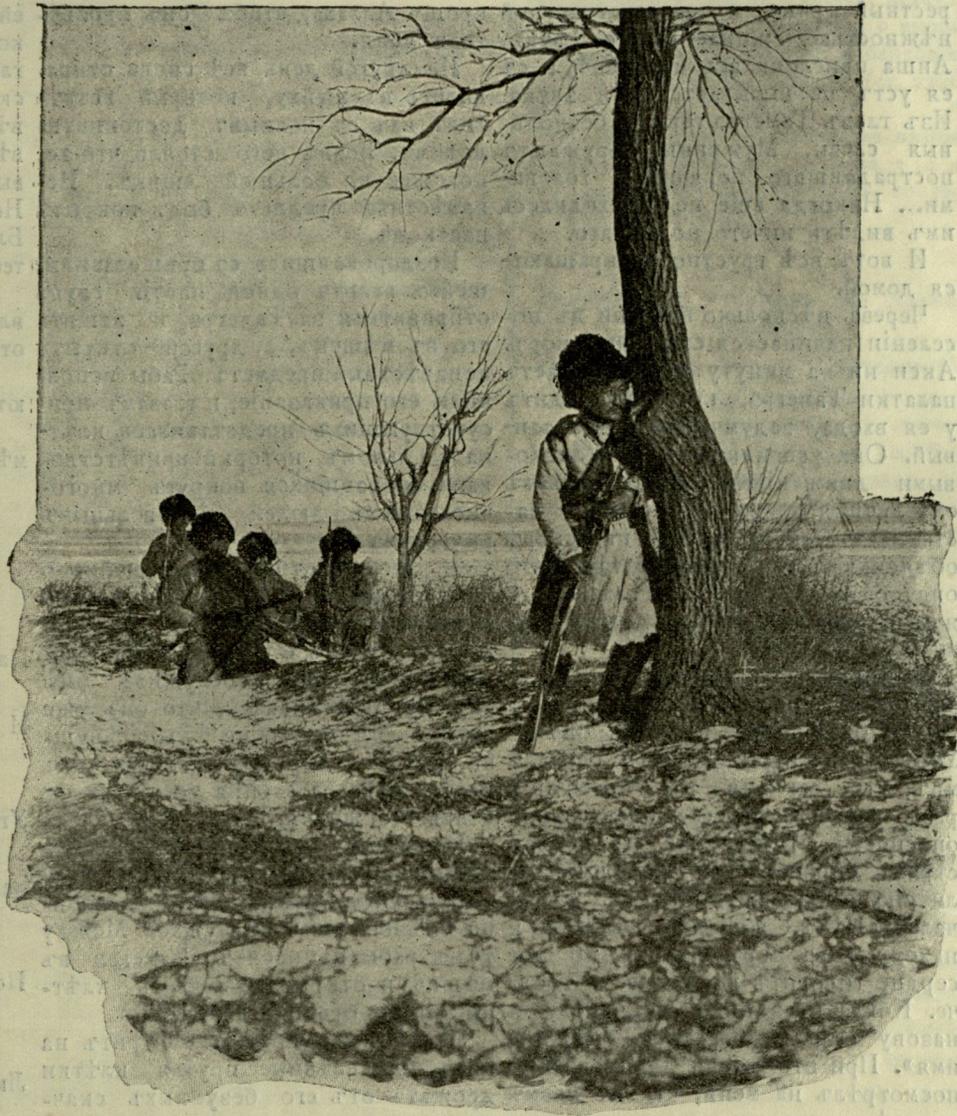
Солнце уже накинulo свою мантию изъ золотыхъ лучей на бѣлые домики, живописно расположенные на холмѣ, и на ярко-синее море.

Надъ городомъ одинъ за другимъ торжественно звучатъ выстрѣлы, а на улицахъ и переулкахъ мало-помалу начинается жизнь и движеніе. Послѣдніе голоса водовозовъ и погонщиковъ ословъ звучатъ совсѣмъ иначе, чѣмъ всегда.

По городу проходятъ бродячіе музыканты, и со всѣхъ сторонъ слышатся трели. Время идетъ, и звуки радости все усиливаются. На площадяхъ происходятъ различныя представленія, но гвоздь дня—это label-barode, или военные игры, во время которыхъ безстрашные наѣзники выкажутъ свое умѣнье ѣздить верхомъ и дрессировать лошадей.

Тысячи народа собираются на Сако, главной площади города, чтобы присутствовать на этихъ играхъ. Одѣтые въ пестрыя одѣянія, зрители стоятъ и сидятъ на обширной площади. Здѣсь виднѣются и смуглые арабы, и загорѣлые обитатели оазисовъ, и суданскіе негры, похожіе на ужасныя привидѣнія, и магометанки съ закутанными лицами.

Небольшая группа варварійцевъ, среди которыхъ находилась хорошенькая дѣвушка съ открытымъ лицомъ, соответственно обычаямъ этого народа, ожидаетъ приѣзда всадниковъ съ необычнымъ вол-



Казачій постъ.

